



004614047

На правах рукописи

Смирнов Антон Генриитович

**КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ
ДОСТИЖЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИИ:
ДИАЛЕКТИКА ФОРМАЛЬНОГО И
НЕФОРМАЛЬНОГО**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

25 НОЯ 2010

Москва 2010

Работа выполнена на кафедре теории культуры, этики и эстетики
Московского государственного университета культуры и искусств

Научный руководитель: **Китов Юрий Валентинович**,
доктор философских наук,
профессор

Официальные оппоненты: **Денисов Владимир Васильевич**,
доктор философских наук,
профессор

Максимова Надежда Юрьевна,
кандидат философских наук

Ведущая организация: **Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина**

Защита состоится «02» декабря 2010 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 210.010.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете культуры и искусств по адресу: 141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7, корп. 2, зал защиты диссертаций (218 ауд.).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Московского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат размещен на сайте Московского государственного университета культуры и искусств «01» ноября 2010 г., а разослан «01» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор



Т.Н. Сумина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сегодня становится очевидным, что за сохранение территориальной целостности, экономическую и социальную стабилизацию России начала XXI века пришлось расплачиваться снижением темпов демократического развития, которое не могло не сказаться на морально-нравственных ценностях и действующем в обществе праве. Мораль и закон как механизмы упорядочения общества нередко оказывались вторичными по отношению к действиям по сохранению государства. В этих обстоятельствах некоторые из нравственных ценностей, составляющих основу культуры общества, получали специфические каналы для своего выражения и достижения. Одной из таких культурных ценностей, имеющих непосредственное отношение к праву и морали, оказалась справедливость, которая приобрела формальные и неформальные способы своего достижения.

Данное исследование представляет собою попытку анализа того, почему формальные и неформальные способы достижения справедливости являются характеристикой современной культуры и какое участие в данном процессе отводится практикам функционирования специализированной и повседневной культуры как формам их возникновения и удержания. Важность осмысления проблемы, очевидно, состоит в том, что углубляется разрыв между установленными юридическими предписаниями, нравственными ценностями и возможностью их применения во всех видах человеческой деятельности.

Соотношение законных и неформальных практик отражает специфику утверждения справедливости, свойственную современной России. Или, если использовать другую терминологию, то справедливость находит формы своего установления в рамках предоставляемых ей обществом практик, которые в свою очередь определяются культурным сознанием и деятельностью жителей определенной страны.

Проблема достижения справедливости приобретает сегодня значения, которые не только не входили ранее в культурные взаимоотношения, практикуемые российскими жителями, но и не характеризовали сферу культурного сознания россиян. Речь идет о центробежных, продуцированных развалом Советского Союза событиях и последовавших вслед за этим дезинтеграционных социально-экономических и

культурных процессах в самой России. Справедливость как качество, составляющее сущность культуры советских людей, стала испытывать ранее невиданное давление со стороны социальных и этнических процессов и превратилась из повседневной данности в привилегию культурно развитых, толерантных, государственно ориентированных немногих. В культурфилософском плане справедливость мигрировала из средства достижения желаемого светлого будущего в самостоятельную цель, достижение которой превращалось, в свою очередь, в проект светлого будущего. Все это не могло не сказаться на сущности самой справедливости, которая стала пониматься не в терминах «равенства» и «блага», а «адекватного ответа» и «признания». Именно признание стало желаемой характеристикой справедливости, которую представители отличных от титульных этносов этнических меньшинств стали рассматривать в качестве желаемой культурной практики среди жителей территорий, в которых они оказывались, как по своему желанию, но в большей мере в силу обстоятельств, не по своей воле.

Стесненные обстоятельства, порождаемые изменением в экономических отношениях, в которых оказалась сфера культуры, также сказались на культурных практиках достижения справедливости. И без того незначительный объем финансовых средств, выделяемых на область культуры, снизился до критических пределов. Данная тенденция вместо того, чтобы стать предметом заботы лиц, ответственных за культуру в государственном аппарате, привела к тому, что экономическое неравенство стало продуцировать неравенство культурное, что чуть было не нашло закрепление в новом федеральном законе о культуре в виде отказа от права равного доступа для всех граждан России к культурным ценностям. Равенство, заключенное в доступе всех без исключения граждан к культурным ценностям, выступает не чем иным, как отражением справедливости, которая в случае невозможности своего воплощения в формальных практиках мигрирует в неформальные и тогда утрачивает законные основания для своего достижения.

Отсюда диалектика достижения справедливости в культурных практиках современной России выступает одной из критических черт выживания государства и общества как культурно развитых, уважаемых в международном сообществе образований. Изучение культур-

ных практик достижения справедливости в состоянии предоставить и российскому обществу, и российскому правительству необходимый материал для адекватного понимания и оптимального управления социокультурными процессами в стране.

Критическая значимость решаемой в диссертации проблемы для культурного развития государства и общества, ее важность для совершенствования ценностных представлений о справедливости, а также значение изучения культурных практик достижения справедливости для адекватного понимания и управления социокультурными процессами и обусловили актуальность темы данного диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Справедливость как предмет культурфилософского анализа имеет длительную историю. Одним из первых к ней обратился Аристотель, определяя справедливость как характеристику нравственной культуры. Г.В.Ф. Гегель обратился к истолкованию справедливости через понятие признания и обосновывал отношения, складывающиеся между рабом и господином, как справедливые в случае взаимопризнания ими статуса друг друга. Наиболее развернутое понимание справедливости и истории философии было предложено Д. Юмом. Классик субъективного идеализма пытался выстроить этику справедливости на основе четырех основных факторов. Первым выступил для него фактор умеренной нехватки благ или состояния между абсолютным дефицитом благ и их абсолютным изобилием. Данная ситуация требовала введения справедливости в ее дистрибутивной форме. Вторым фактором явилось следование субъектом предполагаемого действия, целью которого является принесение блага в общество, своим интересам и интересам своих близких. Данная зависимость благожелательности от интересов оформлялась в ограниченную щедрость. Третьим фактором, дающим основание для справедливости, явилась невозможность индивида опираться только на свои силы в обеспечении собственной безопасности и его нужда в других людях, что оформлялось либо во взаимной уязвимости, либо во взаимном равенстве возможностей. Четвертым фактором выступила кооперация индивидов для достижения своих целей, которые могли быть достигнуты только во взаимосвязи с другими индивидами, преследующими собственные цели. Данный фактор привел к введению понятия взаимной зависимости.

Неформальные способы достижения справедливости как учета значимости соответствующих факторов в экономике и организации производства получили системное развитие в трудах представителей немецкой исторической школы. Подвергая критике работы А. Смита и Д. Рикардо, представители этого направления в изучении справедливости обращали внимание на факторы внеэкономической, внеинституциональной природы, которые, казалось бы, не были напрямую связаны с формальными целями производства, но тем не менее определяли его через нематериальную среду деятельности. Один из наиболее известных представителей данного направления, немецкий экономист Фридрих Лист отмечал, что всякое богатство создается не только видимым циклом производства, умом и телом работника, но за ними стоит дух, оживляющий людей, и социальное устройство, обеспечивающее плодотворность их деятельности.

Элтон Мэйо изучил влияние неспецифических, внеэкономических факторов, связанных с социальными и социально-психологическими отношениями на предприятии. Его эксперименты по определению факторов, влияющих на производительность труда, зафиксировали особое место за неформальными отношениями: атмосферой сотрудничества между рабочими и администрацией предприятия, между группами работающих вместе людей и их менеджерами. Ученым было открыто, наряду с индивидуально-личностными качествами неформального лидерства, влияние обычаев, привычек и даже обрядов, а значит и представлений о справедливости, на формальный процесс производства. С его именем связана теория «человеческих отношений», которая сегодня успешно используется менеджерами для диагностики и задействия «энергетики» малых групп.

Проблема справедливости в отечественной науке также имеет свою длительную историю. Так, ученые, занимающиеся анализом генезиса российского культурно-исторического сознания, отмечали факты придания важнейшего значения справедливости уже в «Поучении» Владимира Мономаха, призывающего судить людей без учета их социального статуса. Понимаемая в виде заботы, справедливость для российских суверенов требовала внимания к таким социально незащищенным группам как сироты, вдовицы, убогие. Основа справедливости заложена в форме устанавливаемой обычаем «правды» в Сборнике обычного права – первом официальном юридическом документе,

принятом Ярославом Мудрым. Юридическое закрепление «правды» как нормы, содержащей мотивацию справедливости, осуществлено было митрополитом Киевским Иларионом в «Слове о Законе и Благодати».

Среди современных российских исследователей справедливости в интересующем нас ракурсе следует выделить работы Р.Г. Абдулатипова, рассматривающего философские основания справедливости в современном мире, В.В. Денисова, анализирующего справедливость в ее связи с проблемой насилия, М.В. Покровской, которая убедительно показала, что объяснение ожиданий эгалитаризма в сфере распределения не представляется возможным только на основании действующей в стране законодательной системы без ее подкрепления актуальной культурой. К. Муздыбаев посвятил свои работы изучению влияния культуры на принципы справедливого распределения. Е.О. Гольничик применила понятия баланса и равновесия для объяснения природы неоднородности справедливости.

Проблеме культурной обусловленности справедливости посвящено значительное количество диссертационных исследований. Так, Ю.В. Александров изучает справедливость в системе ценностей российской правовой культуры, Т.А. Алексеева анализирует ее со стороны морально-политической философии, А.Ю. Аракелян находит черты культурной детерминации в российском гражданском праве, Н.А. Ахундов изучает культурные представления о справедливости приговора. В связи с культурными интересами и потребностями данное явление проанализировано в работах М.Н. Афасижева, Ю.В. Китова.

Особое внимание культурным факторам, включающим представления о справедливости, отводится в работах по экономике. С.Ю. Барсукова наглядно показала зависимость неформальной экономики от действующих в обществе ценностей, А. Беченов, Г. Клейнер пришли к выводу о том, что культура справедливости прослеживается в государственном секторе экономики.

Значительный вклад в изучение неформальных представлений о справедливости, вплетенных в структуру современного российского общества и находящих выражение во внезаконной деятельности различных социальных групп, в том числе организованной преступности, внесли диссертации Г.А. Забрянского, Н.П. Залыевского,

С.В. Иванцова, И.М. Клямкина, Л.М. Тимофеева и др. Гендерный подход к справедливости освещен в диссертационных работах К.В. Дядюн, В.З. Джантуханова, Е.М. Мухамадеевой и др. Справедливость со стороны влияния на нее культуры элиты изучена в работах Д.В. Бадовского, Н.А. Ведениной, С.Л. Гертнер, Б.Н. Кашникова, В. Радаева, Ю.Г. Семигина, А.Ю. Шутова.

Таким образом, достижение справедливости как практика, имеющая культурное измерение, имеет длительную историю. Вместе с тем, там, где формальные и неформальные пути установления справедливости и имели место, они нередко оказывались изученными по отдельности, вне связи друг с другом. Иными словами, не все практики достижения справедливости были изучены в диалектике формального и неформального.

Анализ существующих источников показывает, что в современной отечественной науке отсутствует всесторонне разработанная концепция культурных практик достижения справедливости. Относительно философского анализа культурных практик в контексте диалектики формального и неформального в достижении справедливости в России необходимо отметить, что приведенные научные источники по анализируемой проблематике свидетельствуют об отсутствии специальных работ, что и обусловило выбор темы данного диссертационного исследования.

Объект исследования: справедливость как дискурс и культурная практика.

Предмет исследования: диалектика формального и неформального в культурных практиках достижения справедливости в современной России.

Цель исследования: изучить культурфилософские представления и практики бытования справедливости и выявить диалектику формального и неформального в современных российских культурных практиках ее достижения.

Задачи исследования:

- раскрыть диалектику формального и неформального пути к справедливости в российском культурно-историческом сознании;
- рассмотреть ценность справедливости и определить ее место в культурном сознании современного россиянина;

– охарактеризовать отечественные культурные практики достижения справедливости через использование типов национально-культурного устройства;

– проанализировать культурные практики современной России, реализующие в своей деятельности признание как форму достижения справедливости;

– раскрыть специфику задействия права в культурных практиках достижения справедливости в современной России;

– изучить неформальные практики достижения справедливости в современной России;

– проанализировать культуру достижения справедливости в современных российских государственно-управленческих практиках и бизнесе.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическую основу исследования в области философского обоснования справедливости составили труды Н. Бердяева, Р. Нозика, Дж. Роулза, Вл. Соловьева, О. Хеффе и других. В области анализа справедливости через использование категории свободы работы С.В. Капустина, Б.Н. Кашникова, в области изучения справедливости как равенства работы представителей диалектико-материалистического направления в философии Г.С. Апресяна, Г.А. Гусейнова. Изучение представлений о справедливости как ценности через анализ культурных интересов и потребностей оказалось возможным благодаря работам Р.Г. Абдулатипова, М.С. Кагана, Ю.В. Китова. Практика бытования справедливости в среде российской элиты была изучена по работам А.А. Аронова, О.В. Гаман-Голутвиной, С.Л. Гертнер. Труды Н.А. Прокофьева позволили проанализировать современные интерпретации справедливости через категорию признания, Г.Ю. Канарша – проинтерпретировать справедливость как развитие человеческих качеств. В анализе неформальных практик справедливости использованы теоретические положения С.Ю. Барсуковой, В. Волкова, О.В. Гаман-Голутвиной, В.Л. Римского, А.И. Сидорова, В.Н. Титова, А.Д. Хлопина.

Методы исследования: диалектика восхождения от абстрактного к конкретному (применена в движении от изучения исторических представлений о справедливости к ее изучению как действующего в современных культурных практиках феномена); диалектика логиче-

ского и исторического (применена при формулировании определения справедливости, использованного в диссертации); междисциплинарный синтез (применен при использовании знаний, накопленных в праве, культурологии, социологии, для формирования философского представления о культурных практиках достижения справедливости); сравнительно-сопоставительный метод (использован в диссертации при характеристике различных национально-культурных типов, как внутри Российской Федерации, так и в сравнении России с другими странами); синхронный и диахронный анализ (использован для формирования представлений о справедливости в современной и исторической России). В диссертации также нашли применение контент-анализ и герменевтический подход.

Научная новизна результатов исследования:

– установлено, что российское культурно-историческое сознание в отличие от практики характеризовалось сбалансированностью диалектики формального и неформального пути к достижению справедливости;

– выявлено, что ценность справедливости в культурном сознании современного россиянина занижена по сравнению с ценностями достижительного характера, ценностями ориентации на успех, ценностями адаптации к сложившимся социокультурным обстоятельствам;

– изучены национально-культурные типы (коллективистский и индивидуалистический), оказавшие влияние на культурные практики достижения справедливости в современной России. Их влияние проявляется в сочетании имманентных и экстернатных представлений о нравственном устройстве;

– определено, что необратимость реализации признания как формы достижения справедливости в межэтнических отношениях современной России может быть обеспечена стимуляцией обыденного сознания;

– установлено, что опора на право в современных российских практиках достижения справедливости не всегда согласуется с нравственными ценностями и характеризуется декларативностью;

– выявлено, что культура неформальных практик достижения справедливости в современной России характеризуется коррупцией, клиентелизмом и реципрокностью (культурой обмена дарами);

– проанализировано, что среди неформальных культурных практик, используемых в государственно-управленческой деятельности и бизнесе в современной России представлены неформальные социальные сети.

Теоретическая значимость заключается в усовершенствовании анализируемых современных дефиниций справедливости, в создании методик исследования культурных практик бытования справедливости в современной России, а также в разработке рекомендаций, направленных на развитие нравственного и правового сознания личности в современных российских условиях.

Практическая значимость диссертации. Основные результаты диссертационного исследования использованы в учебном процессе Московского государственного университета культуры и искусств при чтении курсов по культурологии, праву, а также в специализированном курсе по проблемам справедливости, прочитанном диссертантом в Тульском колледже культуры и искусства.

Использование результатов исследования департаментами культуры областных администраций при формировании культурной политики в российских регионах позволит локализовать основные проблемы доминирования «теневой» сферы жизнедеятельности власти и общества над официальной, а также уменьшить разрыв между морально-нравственными ценностями и правовым мышлением современных россиян.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Поскольку справедливость рассматривается в диссертации в качестве одной из культурных ценностей, а культурные практики по ее достижению являются ценностными действиями, то диссертационное исследование соответствует п. 2 «Культура как ценность и как понятие. Причины бесконечного многообразия определений культуры» паспорта специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (филологические науки).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на то, что диалектика формального и неформального пути к справедливости в российском культурно-историческом сознании характеризовалась сбалансированностью, практика ее достижения базировалась на преобладании неформального пути. Этим объясняется стремление российских ученых и общественных деятелей к про-

движению идей о необходимости придания большего веса праву по сравнению с повседневными формами достижения справедливости.

2. Ценность справедливости в культурном сознании современного россиянина занижена по сравнению с ценностями достигательного характера, ценностями ориентации на успех, ценностями адаптации к сложившимся социокультурным обстоятельствам. Диалектика формального и неформального, находящая выражение в справедливости, проявляется в виде «декларируемого» и «фактического», когда номенклатурная элита декларативно провозглашает современное устройство российского общества справедливым, а противостоящая ей основная масса россиян не отличается активностью ни в разделении деклараций элиты, ни в деятельности по достижению справедливости.

3. В культурных практиках достижения справедливости в современной России находят выражение два диалектически взаимосвязанных типа национально-культурного устройства – коллективистский и индивидуалистический. Последний является современным дополнением к преобладающему в исторической России коллективистскому типу и характеризует культурные практики достижения справедливости, развернувшиеся в стране под воздействием либеральной демократии и рыночной экономики. Диалектика достижения справедливости в современной России раскрывается через сочетание имманентных и экстерниальных представлений о нравственном устройстве, а также в ценностных представлениях о справедливости.

4. Культурные практики, обеспечивающие признание как форму достижения справедливости в России, базируются на представлениях о справедливом, отражаемом в теоретическом мышлении и обыденном сознании. Для утверждения необратимости реализации признания как формы справедливости в межэтнических отношениях в современной России необходима стимуляция обыденного сознания, обеспечивающего переведение признания в форму повседневной культурной практики.

5. Достижение справедливости в культурных практиках современной России, поддерживаемых законом, характеризуется авторитаризмом, попытками ограничения равных прав на доступ к культурным ценностям, малообязательными торжественными декларациями, предвзятостью судебной системы, диктуемой ее зависимостью от властного ресурса и ресурса собственности.

6. Неформальные практики достижения справедливости в современной России характеризуются коррупцией, клиентелизмом и реципрокностью (культурой обмена дарами). Данное обстоятельство позволяет характеризовать достижение справедливости в неформальных практиках в терминах стремления не к превосходящим ценностям, а к установлению равновесия данного и желаемого.

7. Достижение справедливости в контексте современных государственно-управленческих практик базируется на противоречивом единстве формальных и неформальных практик, состоящих, с одной стороны, в следовании закону, с другой, в использовании своего служебного положения и своих социальных сетевых связей. Представители российских бизнес-структур сочетают практики достижения справедливости, материализующиеся в законном и незаконном вознаграждении за создаваемый ими продукт или оказываемую услугу.

Апробация результатов исследования:

1. Основные положения диссертации отражены в восьми публикациях по теме диссертации, общим объемом 3 п.л., одна из которых опубликована в издании, рекомендованном ВАК Минобрнауки РФ.

2. Материалы и результаты диссертационного исследования получили апробацию в форме докладов и сообщений на международных научных конференциях: «Науки о культуре: современные концепции и традиции» (М., МГУКИ, 2007); «Вторые Преображенские чтения: традиции и инновации в этнокультурном пространстве современной России» (М., МГУКИ, 2008); «Культурная политика в условиях модернизации российского общества» (М., МГУКИ, 2008); «Новые пути наук о культуре» (М., МГУКИ, 2009); «Февральские чтения» (М., МГУКИ, 2010).

3. Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс кафедры теории культуры, этики и эстетики; кафедры истории, истории культуры и музееведения, а также кафедры социально-философских наук Московского государственного университета культуры и искусств, о чем свидетельствуют акты о внедрении с указанием учебных дисциплин: культурология, правоведение, философия, политология, курс по выбору «Формальные и неформальные практики в социокультурном контексте России».

4. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств 31 мая 2010 года (протокол № 12).

Структура диссертации состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, освещается состояние исследования проблемы, осуществляется постановка цели и задач исследования проблемы, рассматривается методология работы, раскрываются положения научной новизны, теоретическая и практическая значимость диссертации, степень ее апробации, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Справедливость как теоретико-культурная проблема» ставит проблему специфики справедливости как культурного явления и возможности применения для его анализа теоретико-культурного инструментария. Автор показывает, что культура выступает в качестве основы формирования справедливости, является маркером ее легитимации, а также предоставляет свои формы для достижения справедливости как на формальном, так и на неформальном уровнях.

В первом параграфе первой главы **«Диалектика формального и неформального пути к справедливости в российском культурно-историческом сознании»** автор отмечает, что проблема достижения справедливости в России в ее культурном измерении имеет свою историю, которая фиксируется российским культурно-историческим сознанием. Становление формального компонента справедливости в Московской Руси характеризовалось отходом от внесудебной расправы и рационализацией отправления верховной власти в государстве.

Данные процессы нашли отражение в термине «правда», которая стала пониматься как «высшая справедливость», диалектической противоположностью которой выступил «закон», в ведение которого отдавалась только правовая норма государства. В дальнейшем «правда» эволюционирует в категорию «праведности», которую один из исследователей справедливости, К.А. Неволин, в «Энциклопедии законове-

дения» определял следующим образом: ««Праведным», т.е. справедливым, мы называем не только все то, что не противоречит свойству этого общения..., но... что служит к сохранению и укреплению союза нравственных существа между собой...; «неправедным», т.е. несправедливым, называем все то, что ослабляет и разрушает этот всеобщий союз нравственных существ...». Позднее проблема справедливости как культурное явление ставится в российской философии права. Так, в качестве одного из принципиальных постулатов выводится идея, что право по глубинной своей природе представляет явление человеческого духа, ищущего упорядоченности и связности социальной жизни. Поэтому как феномен, направленный на установление и регулирование такой упорядоченности, право представляет собой явление духовной солидарности и справедливости, позволяющее осуществлять связь человека с человеком. В пользу такого рассуждения говорят и многие положения работ по философии права Н.М. Коркунова, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева. Характерно в этом плане придание решающей роли воли человека в формировании духовной природы права и обеспечиваемой им справедливости. Вышеназванному пониманию справедливости посвятили свои труды И.А. Ильин, С.Л. Франк и другие. В последнюю четверть XIX в., когда общая идея права переживала угасание, идея социальной справедливости формировалась в теократической утопии В. Соловьева, ставшей поворотным этапом в развитии русской консервативной мысли. Мерилом социальной справедливости у В. Соловьева представляется степень пронизанности ее идеей идеальности, нравственного достоинства. Однако между идеалом и самой высокой степенью социально-политического развития всегда остается огромный разрыв.

Культурная идея секулярной справедливости в этот период сосуществует с идеей христианской справедливости. Последняя вытекает из учения о христианской политике. Христианское сознание принципиально отвергает возможность создания идеального и совершенного порядка в пределах земного государства. Несовершенный, «земной» закон есть следствие несовершенного «естественного» порядка вещей, существующего в мире, и именно поэтому он в состоянии устранять эти несовершенства. Вплоть до наступления нового высшего этапа спасения бытия именно этот земной закон имеет обязательную силу: естественное право живет и действует вплоть до окончательного пре-

ображения мира. Идеал царства Божьего заставляет людей действовать для реализации христианских соборных начал жизни и преобразования общественных форм и отношений в духе высшей правды – справедливости.

Справедливые основы права возводились в качестве основополагающих постулатов в работах большинства русских мыслителей второй половины XIX – начала XX вв. Это известные правоведы, философы и социологи права Н.А. Бердяев, Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой. Можно утверждать, что русские мыслители считали право и нравственность не просто взаимосвязанными понятиями, но в сущности права видели прежде всего духовно-нравственную основу справедливости.

В российской академической среде право и справедливость рассматривались не только как явления, принадлежащие к различным областям практики – закону и морали, но и в качестве рядоположенных культурных ценностей с апеллированием к множеству их линий сопряжения. Отмечалась, что их единопавленность на заботу о здоровье общественного организма не подлежит сомнению. И все же, тесно взаимодействуя, взаимодополняя друг друга, они сохраняют свои исходные позиции. Право имеет своим предназначением обеспечение торжества справедливости, в свою очередь, справедливость стремится к моральному торжеству, к торжеству совести.

К сожалению, многие традиции российской философской и культурно-исторической школ были прерваны Октябрьской революцией 1917 г. В отечественной философской науке советского и современного периодов исследования справедливости не получили достаточного распространения, что во многом объясняется декларативностью справедливости в реальной жизни советского общества. До середины 1950-х гг. размышления о справедливости были невозможны в условиях официального провозглашения ее в качестве главного достижения советской власти. Представители марксистско-ленинской этики утверждали, что справедливость, будучи категорией морального сознания, характеризует не только меру воздаяния и равенства, но и требования к личности, группе или обществу в целом, а также правомерность оценок (и самооценок) экономических, политических, правовых

явлений действительности и поступков людей с учетом классовой обусловленности нравственности соответствующей эпохи. Считалось, что и в простых нормах нравственности и справедливости проявляется классовый характер, хотя и не прямо, а опосредованно. Вместе с тем всегда сохраняется обществом и развивается в нем утвердившееся еще в древности понимание справедливости как вечного и неотъемлемого, не зависящего от конкретных социальных условий свойства природы вообще и человеческой в частности. В связи с этим большое значение имеет знание веками выработанных человечеством суждений, раскрывающих сущность феномена справедливости.

В советской этической, философской и правовой литературе справедливость характеризуется как многогранное и сложное явление. Категория справедливости тесно связывается с моралью, обе они имеют нормативную природу. Тем не менее справедливость не ограничена лишь правовой сферой, поскольку применяется к оценке экономической, социальной и политической действительности и так или иначе выражается в праве.

Второй параграф первой главы называется **«Ценность справедливости в культурном сознании современного россиянина»**. Ценностный компонент культурного сознания современного россиянина довольно широк и отражает все структурные элементы культуры — мифологию, мораль, религию, право и т.д. К сожалению, нравственные ценности в нем в современный исторический период не имеют доминирующего значения. Отсюда и ценность справедливости в культурном сознании современного россиянина занижена по сравнению с ценностями достижительного характера, ценностями ориентации на успех, адаптивными ценностями к сложившимся социокультурным обстоятельствам. Для того, чтобы справедливость можно было адекватно проанализировать в качестве ценности культурного сознания, представляется необходимым изучить, насколько в нем (современном культурном сознании) представлена нормирующая, упорядочивающая роль культуры. Анализ нормирующей роли культуры обеспечивается ее пониманием как системы, не только продуцирующей результаты человеческой деятельности, но регулирующей последнюю. Еще А. Кребер и К. Клакхон, анализируя многообразные концепции культуры, обратили внимание на то обстоятельство, что культурные системы могут рассматриваться и как результаты человеческой деятель-

ности, и как ее регуляторы. Данный вывод впоследствии был развит в определение культуры, получившее название нормативного, которое нашло наиболее полное выражение в определении культуры через образ жизни: «... Образ жизни, которому следует община или племя, считается культурой». Отсюда, если культура обладает нормирующим потенциалом, то он присутствует в человеческом сознании и задействуется в оценке разнообразных явлений и процессов в их соотносительности с культурой. Иными словами, процессы и явления материального и идеального мира, проходя процесс оценки в культурном сознании человека, оцениваются им со стороны упорядочивающей, регулирующей, нормирующей. Вместе с тем К. Уисслер сделал свой вывод, изучая традиционные общества. Поэтому, если нормирующая роль культуры имеет место в современной действительности, в нашем случае в российской, то должны быть формы, в которых она (нормирующая роль культуры) получила бы свое выражение. Среди таких форм, получивших отражение в виде ценностей в культурном сознании современного россиянина и проанализированных в диссертации, следует выделить обычаи, традиции, ритуалы, мифы. Все эти формы содержат в себе представление о справедливости, хотя и не в равной мере.

В обычаях справедливость выражается через коллективные представления о том, какое воздаяние следует ожидать за действие, предпринятое в повседневной, обыденной жизни человека. Если воздаяние за «хорошее» действие человека оказывается плохим – то перед нами пример несправедливости. Следует отметить, что в российских обычаях достижение справедливости приобретает только символические формы. Вызывая достаточно серьезные эмоции по поводу встречающихся в жизни фактов проявления несправедливости, ответное по отношению к ней действие, как правило, затухает на стадии перехода его из символического в реальное состояние. Видимо, в обычаях отражается длительная история «терпения» российского народа, испытывавшего в своей истории достаточно примеров, когда справедливость оказывалась недостижимой в реальности. Ритуал, отличаясь от обычая большей церемониальностью и демонстративностью, не имеет исторически длительной укорененности в культурном сознании россиянина, поэтому и достижение справедливости с его использованием имеет свою специфику, заключающуюся во внешнем, по отношению к участвующему в ритуале, источнике ее формирования. Специфика мифа в

связи с достижением справедливости проявляется не столько в констатирующем, сколько в компенсирующем его значении. Когда достижение справедливости оказывается невозможным в реальной жизни, миф предоставляет ей свое пространство для символической реализации.

Вторая глава диссертации «Диалектика достижения справедливости в культурных практиках современной России» посвящена анализу культурной обусловленности законных и неформальных практик достижения справедливости в современной России, а также выявлению особенностей влияния культуры на способы достижения справедливости в среде российских чиновников и представителей бизнеса.

Первый параграф второй главы «Обусловленность достижения справедливости в России со стороны культурных практик» начинается с характеристики предлагаемого в диссертации подхода к изучению культурных практик осуществления и достижения справедливости. Он строится на трех основаниях – ценностном отношении, диалектическом единстве индивидуального и коллективного и на преобладающем для данного общества выражении имманентно-экстернальных характеристик сознания большинства его членов. Первый предполагает наличие стабильных представлений, слабо подверженных темпоральным воздействиям, что дает основание для характеристики общества в терминах специфической для нее культуры. Второй базируется на преобладании в рассматриваемом обществе черт индивидуального и коллективного как способов его организации. Наконец, третий включает в себя сочетание имманентных и экстернальных представлений о нравственном устройстве, в том числе и о справедливости.

Национально-культурные типы, несмотря на их многообразие, описываются по преобладающему в них сочетанию индивидуального и коллективного. Индивидуальное, в преломлении к национально-культурному типу, обычно проявляется в такой взаимосвязи индивида и общества, которую принято характеризовать в терминах атомистической теории. Согласно данной теории, целостность общества обеспечивается не наличием в нем примордиальных связей между его членами, а в ходе индивидуальной и групповой конкуренции на основе

изначальных принципов «равенства возможностей», «социального контракта», «многообразия групп интересов».

Инкультурация является необходимой культурной практикой введения человека в определенную культуру, практикуемую определенным обществом. Ни один из представителей того или иного общества не в состоянии обойти этот процесс. Отсюда инкультурация является всеобщей культурной практикой всех без исключения сообществ и обществ, которые известны человечеству. Вместе с тем, в каждом обществе инкультурация приобретает свою специфику, поскольку в ней интернализируется не просто весь набор действующих в данном обществе культурных норм и ценностей, но и определенные, свойственные только данной культуре практики инкультурации. Значение данного обстоятельства настолько велико, что многими теоретиками культуры и на Западе, и на Востоке инкультурация привлекается для обоснования исповедуемого ими принципа культурного релятивизма. Так, если инкультурация, проявляясь в национальных, этнических и общественных культурных практиках, приобретает специфические формы, то это является свидетельством того, что каждое общество располагает только ему присущими способами введения его членов в действующую в нем культуру. Что в свою очередь означает, что нет одинаковых культур, а значит, они не подлежат измерению на весах культурогенеза.

Несмотря на то, что развитие всех культурно-нравственных качеств личности является необходимым для ее полноценной инкультурации, справедливость в их ряду занимает особое место. Дело в том, что данное в форме когнитивной схемы, определяющей социальное поведение человека, представление о справедливости задает стандарты для оценки всех событий во всех сферах человеческой жизни. Ни одно из действий человека культурного не обходится без того, чтобы в итоге быть оцененным извне или интернально как справедливое или несправедливое. Специфика российских культурных практик по интернализации справедливости задается многообразием причин, рассмотрение которых является адекватным всему многообразию культурных черт современного российского общества. Вместе с тем их описание, хотя и является важным с точки зрения культурологического изучения культуры, но будет малопродуктивным в случае ее философского рассмотрения. Для последнего необходимым является выде-

ление общих закономерностей, входящих в причины и механизмы инкультурации, задаваемые ей спецификой действующего в современной России культурного сознания. Не претендуя на исчерпывающий ответ об общих закономерностях инкультурации отметим, что в случае с Россией она проявляется в имманентном представлении о справедливости. Иными словами, для российского человека является важным мера осознания имманентности справедливости окружающему его миру, однако критическим для него выступает именно представление об имманентности миру справедливости. В ряде исследований по имманентности справедливости последняя получает онтогенетическую характеристику и связывается с определенной стадией развития человека.

Таким образом, исследование культурных практик, с одной стороны, и преобладающих способов достижения справедливости, с другой, дает необходимый материал для философского представления о роли культурных практик в достижении справедливости.

Второй параграф второй главы носит название: «**Диалектика формального и неформального в признании как культурной практике достижения справедливости в современной России**». В нем говорится, что одной из практик, через которые обычно характеризуется культура, является признание. Признание выступает действием воздаяния должного совершившему что-либо и ожидающему реакции других человеку. Следует отметить, что философское понимание признания имеет свою историю, и не только современную. Проблема признания как достижения справедливости ставилась еще Гегелем, который считал, что бытие человеческого Я определяется отношением признания между различными индивидами. Если по-другому, то признание одного субъекта для утверждения его существования зависит от того, признан ли он другим субъектом и признает ли он другого в свою очередь. Вместе с тем бытие справедливости в современном мире оказывается возможным не столько вследствие развитого философского дискурса, сколько в результате культурных практик, обеспечиваемых автоматически, т.е. понимаемых, принимаемых и контролируемых уровнем обыденного сознания. Поэтому необыкновенно важным сегодня является не теоретическое (в научных трудах) или юридическое (в законах) признание права на идентификацию себя с определенной культурой для гражданина национального государст-

ва, а именно признание такового в широко распространенных в данной стране культурных практиках.

Необходимо отметить, что российские культурные практики всегда отличались толерантностью в отношении представителей других культур, проживающих на территории России. И не столько фобии российских жителей, сколько политические и военные события выступали причиной альтерации бытующих в стране культурных практик. Можно привести ряд примеров, в том числе из недавнего прошлого, когда не по культурным, а по политическим мотивам выражение «лицо кавказской национальности» приобретало не только дифференцирующий, но и негативный оттенок у жителей, скажем, центральной России. В связи с войной в Чечне 90-х годов XX века признание как форма достижения справедливости испытало серьезное давление как следствие, как это ни покажется парадоксальным, развития демократии. Историческое присоединение Кавказа к России к моменту начала войны в 1996 году уже получило не только форму взаимного признания между жителями Кавказа и России, но и в принципе не стояло в качестве проблемы. Конституция 1977 года не только фиксировала желания партийных лидеров, но и отражала существующую к тому времени в СССР реальность – жители огромной страны становились единой нацией, которую предложили называть советским народом. Культурный облик жителя Кавказа вошел в мультикультурную жизнь советских людей как близкий и даже желаемый культурный тип. Об этом свидетельствовали не только фильмы с участием грузинских, армянских, азербайджанских артистов, но всенародная любовь к певцам, танцорам, художникам, философам из Кавказа.

Культурные практики принятия жителей Кавказа как своих существуют до сих пор в преобладающем виде над практиками культурного неприятия. Свидетельством тому является культурный шок, распространившийся по территории России не вследствие грузино-российского конфликта лета 2008 года, а вследствие резко негативных выступлений именно признанных в России грузинских деятелей культуры. Данные выступления большинством российских жителей были восприняты как несправедливые вследствие того, что они разрывали устоявшиеся отношения между субъектами, на которых зиждется справедливость – признание таланта грузинских деятелей искусства и культуры и негативные, националистически ориентированные ос-

корбления со стороны этих деятелей в адрес российского народа. Следует отметить, что разрушение взаимопризнания как консенсуса справедливости имело единичный характер и не смогло повлиять на общие основания осуществляемых в России культурных практик по признанию представителей других культур в качестве культурных лидеров. О чем свидетельствует уважительное отношение россиян не только к В. Гергиеву, дирижирующему оркестром в послевоенном Цхинвали, но и к З. Церетели, создающему свои скульптуры в мирной Москве.

Следовательно, для реализации потенциала справедливости, содержащегося в признании, необходима стимуляция обыденного сознания современных россиян, чтобы в нем не оставалось места для дискриминационных представлений, способных негативно повлиять на межэтнический баланс, установившийся в стране как следствие сложных исторических и современных социально-культурных процессов.

В третьем параграфе второй главы «**Российская культура и правовые практики достижения справедливости в современной России**» внимание акцентируется на нравственном обосновании и нравственной верификации социально-культурных проектов, на которых базируется современное российское общество. При рассмотрении сущностных характеристик российской культуры достижения справедливости посредством законных практик представляется важным учет особенностей российского либерализма. В отличие от Запада в России социально-экономические реформы не содержат гарантий прав собственности для граждан и отражают исключение прав большинства в пользу неадекватного обогащения небольшой группы посредством сомнительного в нравственном отношении получения общественной собственности. Соответственно, собственный труд или добровольная передача от другого лица, фундаментальные для справедливого накопления собственности в либерализме, не могут быть вычленены в практике функционирования российских отношений собственности. Согласно законно установленным принципам, переход к рынку в России был осуществлен на основе перераспределения собственности бюрократической номенклатурой, а не свободной конкуренции, т.е. в результате приватизации основными обладателями собственности, принадлежащей всему народу, стали чиновники и их окружение. Такие западные либеральные ценности, как равенство политических

прав, равенство всех перед законом, в современной капиталистической России так и не стали доминантными выражениями справедливости, а прежняя номенклатура сохранила за собой все социальные привилегии, которые поддерживаются теперь через неформальные отношения и теневые структуры, как результат необязательности действия в стране власти закона.

Следовательно, достижение справедливости в современной России, формально подкрепленное законом, в реальной действительности оказывается либо невозможным, либо неблагодарным занятием. Таким образом, закон, по определению базирующийся на нравственных основаниях, имеет мало общего с нравственной практикой его использования, которая оказывается невозможной в условиях действия современной российской культуры, в которой нравственность не имеет доминирующего значения.

В четвертом параграфе второй главы **«Неформальные практики достижения справедливости в современной России»** изучены способы использования современной культуры для прикрития и интерпретации коррупции, клиентелизма, реципрокности, засилие которых представляется вовлеченным в них субъектам как ответ на сложившуюся систему их «несправедливо» заниженного вознаграждения за деятельность, по их мнению, приносящую благо обществу. В параграфе также вскрыты социокультурные обстоятельства использования закона в неформальных практиках установления справедливости в России. На примере коррупции в диссертации показан механизм использования культуры для смягчения ее общественного неприятия. Так, поскольку коррупцией считается осуществляемое любыми способами и при любых условиях извлечение выгод из своего положения в системе государственной власти или использование своего общественного статуса в корыстных целях, то культура используется для отделения в коррупции нормы закона от нравственной нормы. То, что оказывается несправедливым со стороны закона, лицами, причастными к коррупции, стремится быть преподнесенным если не как морально оправданное, то хотя бы морально нейтральное. Для чего используется принцип: «в подобных обстоятельствах так поступило бы большинство». Если же кто-то опирается на нравственные ценности в осуждении коррупции, то он объявляется «далеким от жизни». Следо-

вательно, его моральные ценности объявляются абстрактными, не имеющими применения в реальной действительности.

В пятом параграфе второй главы «**Культура достижения справедливости в контексте современных российских государственных управленческих практик и бизнеса**» предпринят анализ культуры достижения справедливости в контексте современных государственно-управленческих практик.

Управленческие практики со стороны задействия в них культуры для достижения справедливости предстают как в нравственно одобряемом, так и осуждаемом виде. Диалектика достижения справедливости в этом сегменте российского общества базируется на противоречивом единстве служения государственным интересам и использования блага.

Российский бизнес практикует установление справедливости на пересечении создания честного соответствующего спросу предложения и принесения в жертву качества в угоду выгоде.

В **Заключении** диссертации подведены краткие итоги изучения автором темы в рамках поставленных цели и задач, намечены дальнейшие пути проведения исследования поднимаемой в работе проблемы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Смирнов, А.Г. К вопросу о применении теорий справедливости к российской действительности / А.Г. Смирнов // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* – 2010. – № 4. – С. 98–102.

2. Смирнов, А.Г. К вопросу о трансформации морали и права в системе социокультурных процессов современной России / А.Г. Смирнов // *Воспитание в системе формирования ценностных ориентаций молодежи: материалы межвузовского «круглого стола» (Москва, 21 ноября 2007 г.).* – М.: МГУКИ, 2008. – С. 78–79.

3. Смирнов, А.Г. Мораль и право как важнейшие культурные факторы жизнедеятельности общества и человека / А.Г. Смирнов // *Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве: материалы международного симпозиума (Москва, 17–18 мая 2007 г.).* – М.: МГУКИ, 2007. – Ч. 1. – С. 103–108.

4. Смирнов, А.Г. Своеобразие интерпретаций понятия «общественная мораль»: культурологический дискурс / А.Г. Смирнов // Культурная политика в условиях модернизации российского общества: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 ноября 2008 г.). – М.: МГУКИ, 2008. – Ч. 2. – С. 78–83.

5. Смирнов, А.Г. Справедливость в контексте современных российских социокультурных процессов / А.Г. Смирнов // Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве: новые пути наук о культуре: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 28–29 мая 2009 г.): Сб. ст. – М.: МГУКИ, 2009. – Ч. 1. – С. 168–176.

6. Смирнов, А.Г. К актуализации осмысления «свободы» и «порядка» в России конца XIX – начала XX в. / А.Г. Смирнов // Приоритеты социально-культурного образования в условиях модернизации российского общества: Сб. науч. ст. – М.: МГУКИ, 2009. – Ч. 2. – С. 42–47.

7. Смирнов, А.Г. О своеобразии форм достижения справедливости в современной России / А.Г. Смирнов // Созидательная миссия культуры: Сб. ст. молодых ученых. – М.: МГУКИ, 2010. – С. 234–241.

8. Смирнов, А.Г. Некоторые исторические аспекты поиска путей достижения справедливости в России / А.Г. Смирнов // Культура, образование, наука: актуальные проблемы современности: Сб. науч. ст. молодых ученых. – М.: МГУКИ, 2010. – С. 78–83.

Подписано в печать 01.11.2010 г.

Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.

Заказ № 114. Ротапринт МГУКИ

Адрес университета и типографии:

141406, Московская обл., г. Химки-6, ул. Библиотечная, д. 7